

0 $\frac{46}{720}$

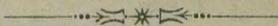
0 46
729

Е. П. КАВЕЛИНА.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ОЦѢНКѢ

СВОИХЪ БЛИЖАЙШИХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Изъ журнала „Библіографъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрликъ, Большая Садовая, № 9.

1887.

Книга имеет:

8

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и индиска
1						5	86

9/12/87

НК-У
СК-У 19/70
ор - —

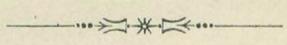
0 46
729 M

Е. П. КАВЕЛИНА.

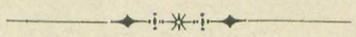
И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ОЦѢНКѢ

СВОИХЪ БЛИЖАЙШИХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Изъ журнала „Библіографъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Большая Садовая, № 9.

1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Юня 1887 г.

46418.38

2011138649

И. С. Тургеневъ въ оцѣнкѣ своихъ ближайшихъ современниковъ.

Настоящій очеркъ имѣеть цѣлью выяснитъ значеніе Тургенева въ новейшей литературѣ, по отчетамъ русской и иностранной печати и опредѣлитъ, насколько онъ былъ вѣрно понятъ своими ближайшими современниками.

Нѣкоторыя заявленія самого автора помогутъ намъ провѣрить справедливость приписанныхъ ему мнѣній и высказанныхъ о немъ сужденій; съ другой стороны, критерій, по которому производилась оцѣнка, представляетъ историческій интресъ, какъ тѣсно связанный съ воззрѣніями и идеалами известной эпохи. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать критическія статьи русскихъ и иностранныхъ толкователей Тургенева.

I.

Первый привѣтствовалъ Тургенева на литературномъ поприщѣ—Бѣлинскій, встрѣтившій весьма сочувственно его юношескіе опыты. Онъ назвалъ молодого писателя «поэтомъ въ истинномъ и современномъ значеніи этого слова», но, въ тоже время, утверждалъ, что «муза его не общается намъ новой эпохи поэтической дѣятельности, новой, великой школы искусства»¹⁾ и вскорѣ совсѣмъ охладѣлъ къ нему.

Это охлажденіе Бѣлинскаго къ Тургеневу было тѣмъ непонятнѣе и необъяснимѣе, что оно все возрастало, по мѣрѣ того какъ онъ сближался съ молодымъ писателемъ и какъ талантъ этого послѣдняго развивался и мужалъ.

Вотъ какъ привѣтствовалъ критикъ появленіе «Записокъ Охотника», вотъ все, что имѣлъ онъ сказать по поводу этого событія въ отечественной литературѣ:

«Вашъ Каратаевъ хорошъ, хотя и далеко ниже Хоря и Колиныча. Мнѣ кажется, у васъ чисто творческаго таланта или нѣтъ или очень мало²⁾ и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Вотъ, хоть бы Ермолай и Мельничиха, не Богъ вѣсть что, бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслию. А въ Бреттерѣ я увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто—въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призванье—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію...—А Хоръ общается въ васъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ»³⁾.

О «Каратаевѣ» Бѣлинскій сказалъ еще (въ своемъ обзорѣ русской литературы за 47-й годъ, въ «Современникѣ»), что въ этомъ очеркѣ «талантъ

1) Соч. Бѣлинскаго. Т. X.

2) Убѣжденіе, при которомъ Тургеневъ оставался до конца своей жизни.

3) Письмо, помѣщенное Тургеневымъ, въ его воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ.

автора высказался съ такою-же полнотою, какъ въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника».

Но, вскорѣ, вслѣдъ за этимъ, въ 48-мъ году, онъ писалъ частнымъ образомъ къ П. В. Анненкову уже совсѣмъ въ иномъ духѣ ¹⁾:

« Съ чего это вы, батюшка, такъ расхвалили «Лебедянь» Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ, онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него не единого слова, потому что рѣшительно нечего вычеркнуть. «Малиновая вода» мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понимаю Степушки. Въ «Уѣздномъ Лекарѣ» я не понялъ не единого слова и потому ничего не скажу о немъ. А встѣ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него—бабѣ дѣло. Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, но вообще они слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились «Бирюкъ» и «Смерть». Богатая вещь фигура Татьяны Борисовны, недурна старая дѣвица; но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андриуши и Кириуши, на нихъ непохожій». Бѣлинскій тоже попрекалъ Тургеневу употребленіе словъ орловскаго нарѣчія въ «Запискахъ Охотника», введенныхъ имъ съ цѣлію придать картинѣ мѣстный колоритъ.

«Быть можетъ въ немъ (Бѣлинскомъ)—продолжаетъ его биографъ—остался еще слѣдъ того охлажденія, которое наступило у него послѣ перваго восхищенія разсказами или поэмами Тургенева, быть-можетъ (и это вѣроятноѣ), что требовательность возбуждалась самой серьезностью задачи, которую бралъ на себя авторъ».

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвели «Записки Охотника» на Самарина ²⁾, мало сочувствовавшего Тургеневу до появленія ихъ.

«Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и народу—восторженно произнесъ онъ (Самаринъ или Аксаковъ?)—въ мигъ дается сила!» ³⁾.

Въ 55-мъ году, вѣроятно незадолго до прочтенія «Рудина», В. Боткинъ писалъ къ Дружинину, что—и по его мнѣнію—Тургенева сбиль съ толку Гоголь, что ему (Боткину) всегда казалось, что направленіе избранное Тургеневымъ не соотвѣтствуетъ вовсе его таланту». «Въ томъ-то и бѣда—говорить онъ въ заключеніе—что Тургеневу не достааетъ пока самостоятельности и смѣлости, этихъ всегдашнихъ признаковъ большихъ талантовъ. Самъ онъ несравненно выше и лучше всего, что до сихъ поръ онъ написалъ» ⁴⁾.

Къ тому-же времени относится разборъ Дружинина Тургеневскихъ повѣстей ⁵⁾, а позднѣе появились: извѣстная критика Ап. Григорьева ⁶⁾ и статья Добролюбова: «Когда-же придетъ настоящій день?» (по поводу повѣсти «Наканунъ»), содержащая слѣдующее замѣчаніе: «Если Тургеневъ—говоритъ Добролюбовъ ⁷⁾—тронулъ какой-нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изобразилъ какую нибудь новую сторону общественныхъ отношеній, это служить ручательствомъ, что вопросъ этотъ дѣйствительно поднимается въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ».

¹⁾ Пыпинъ: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, глава X.

²⁾ На Константина Аксакова, по Незеленову („Тургеневъ, въ его произведеніяхъ“). Стр. 63—5).

³⁾ В. Семеновскій: Крестьянскій вопросъ въ Царствованіе Императора Николая. (Русская Мысль. 1885. Сентябрь).

⁴⁾ XXV лѣтъ. Сборникъ Общества для пособія, нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

⁵⁾ Сочиненія. Томъ VII.

⁶⁾ Тургеневъ, по поводу „Дворянскаго Гнѣзда“.

⁷⁾ Сочиненія. Т. III.

Это мнѣніе Добролюбова было высказано неоднократно, и впоследствии, другими критиками Тургенева, между прочимъ Анненковымъ, назвавшимъ его «лѣтописцемъ и историкомъ умственныхъ и душевныхъ томленій всего своего времени» ¹⁾ и нѣмецкимъ критикомъ Юліаномъ Шмидтомъ, видѣвшимъ въ сочиненіяхъ Тургенева историческія картины ²⁾. Разъясненію творчества Тургенева много способствовали Анненковъ ³⁾, Ор. Миллеръ ⁴⁾ и Н. Страховъ ⁵⁾, художественныя оцѣнки которыхъ занимаютъ почетное мѣсто въ библиографіи Тургенева. Вслѣдъ за ними, мы поименуемъ критики Писарева, Авдѣева и Венгерова, какъ заслуживающія наибольшаго вниманія.

По смерти Тургенева, у насъ въ Россіи, Буренинъ первый занялся изслѣдованіемъ уже законченной дѣятельности писателя и подвелъ итоги только что завершившейся литературной эпохи. Его книгу ⁶⁾ слѣдуетъ разсматривать какъ первый опытъ систематическаго и логическаго истолкованія творчества Тургенева.

Еще писали о Тургеневѣ: Сухомлиновъ ⁷⁾, Незеленовъ ⁸⁾ и Аверкіевъ ⁹⁾; другіе-же современники Тургенева составили болѣе или менѣе подробные отчеты о своихъ собственныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ рассказываютъ все, что имѣютъ сообщить о личности Тургенева. Вся жизнь частнаго человѣка раскрывается передъ нами на страницахъ этихъ воспоминаній, которые намъ приходится принимать на вѣру, полагаясь на совѣсть повѣствователей и на основательность ихъ доводовъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ «Воспоминаній» принадлежитъ безусловно статьямъ Полонскаго ¹⁰⁾ и Анненкова ¹¹⁾, не только въ силу ихъ литературныхъ преимуществъ, но и достовѣрности сообщений: Полонскій былъ однимъ изъ избранныхъ друзей Тургенева, а Анненковъ, кромѣ того и частнымъ критикомъ, литературнымъ совѣтникомъ Тургенева, не печатавшаго ничего, какъ извѣстно, безъ его одобренія. Статьи Анненкова имѣютъ значеніе и по отношенію къ биографіи Тургенева. Не лишены интереса тоже воспоминанія Стасюлевича («О послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева»), Ковалевскаго, Е. Гаршина, Л. Н., А. П—ва, Крашевскаго, Берга и Житовой. Изъ современныхъ Тургеневу писателей, у насъ въ Россіи, ничего не сказали о немъ, ни при жизни его, ни по смерти, только: графъ Л. Толстой, Гончаровъ и Островскій. Покойный Достоевскій, не всегда сочувственно относившійся къ Тургеневу, называлъ его, однако же, «самымъ художественнымъ изъ всѣхъ современныхъ, русскихъ писателей» ¹²⁾. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что, по словамъ самого Тургенева, «Базарова совершенно поняли, т. е. поняли намѣренія его (автора) только два человѣка: Достоевскій и В. Боткинъ» ¹³⁾. Хорошо отзывались о Тургеневѣ Салтыковъ—Щедринъ и Григоровичъ ¹⁴⁾, а И. С. Аксаковъ въ

¹⁾ «Замѣчательное десятилѣтіе».

²⁾ «Иностранная критика о Тургеневѣ».

³⁾ «Воспоминанія и критическіе очерки».

⁴⁾ «Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ Тургенева» и «Женскіе образы у Тургенева».

⁵⁾ «Критическія статьи».

⁶⁾ «Литературная дѣятельность Тургенева».

⁷⁾ «И. С. Тургеневъ». Очеркъ.

⁸⁾ «Тургеневъ, въ его произведеніяхъ».

⁹⁾ «Дневникъ Писателя». 1885.

¹⁰⁾ «Тургеневъ у себя». Нива. 1884.

¹¹⁾ «Замѣчательное десятилѣтіе». Глава XXXIV. «Молодость Тургенева». Вѣстникъ Европы, 1884, № 2. «Шестъ лѣтъ перениска съ Тургеневымъ». Вѣстникъ Европы, 1885, № 3 и 4.

¹²⁾ Сочиненія. X. Дневникъ Писателя за 1873 годъ, стр. 48.

¹³⁾ «Первое собраніе писемъ» № 78, 81, 82.

¹⁴⁾ Некрологъ, въ Отечественныхъ Запискахъ. «Надгробная рѣчь».

своей газетѣ «Русь» назвалъ его вполне русскимъ человѣкомъ» «вопреки его воспитанію и такъ называемымъ убѣжденіямъ», художникомъ, «умѣвшимъ воспроизводить не однѣ только отрицательныя, но иногда съ невольнымъ сочувствіемъ и нѣкоторыя положительныя стороны русской жизни», сослужившимъ Записками Охотника «своему отечеству и народу, по истинѣ, добрую службу». Не раздѣляя этого мнѣнія Аксакова — Катковъ, признававшій за Тургеневымъ однѣ только специально-литературныя заслуги.

«Тургеневъ былъ художникъ по преимуществу—писалъ онъ вскорѣ по смерти писателя—у всякаго свое призваніе. Политическіе интересы мало занимали его и онъ не имѣлъ твердаго, гражданскаго образа мыслей».

«Тургеневъ обладалъ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ». сообщаетъ онъ далѣе, по этотъ талантъ, по его мнѣнію, «не отличался глубиной и обширностью концепцій».

Таковъ былъ личный взглядъ самаго Каткова на Тургенева; такъ, по крайней мѣрѣ, всегда отзывался онъ о немъ, когда писалъ отъ своего собственнаго имени, и послѣ появленія романа «Отцы и дѣти», произведенія, послужившаго поводомъ къ извѣстнымъ недоразумѣніямъ, а впоследствии и къ полному разрыву между Тургеневымъ и Катковымъ. На страницахъ-же «Московскихъ Вѣдомостей» появились статьи, имѣющія прямою цѣлью доказать политическую неблагонадежность Тургенева.

Въ этомъ свѣтѣ явился Тургеневъ на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, подписанной «Иногороднымъ Обывателемъ» (Б. Маркевичъ), надѣлавшей въ свое время не мало шума, а затѣмъ и по смерти своей, во первыхъ: въ письмѣ эмигранта и нигилиста П. Лаврова, напечатаннаго Катковымъ въ видѣ перваго извѣщенія о смерти писателя и во вторыхъ: въ очеркѣ, прямо озаглавленномъ «Тургеневъ и нигилисты», вышедшемъ безъ подписи его автора и составленномъ по статьѣ того-же Лаврова: «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества» ¹⁾.

По этому поводу французскій писатель Вогиюз замѣтилъ ²⁾, что «Тургенева наименовали отцемъ нигилизма потому, что онъ назвалъ по имени болѣзнь и описалъ нѣсколько случаевъ ея. Тоже самое значило-бы утверждать, что холера занесена не первымъ зараженнымъ болѣзнію, а тѣмъ врачомъ, который раньше всѣхъ остальныхъ сдѣлалъ ея діагнозъ. Тургеневъ распознавалъ зло и изслѣдовалъ его объективно».

«Какъ доктору было-бы невозможно отворачиваться съ презрѣніемъ отъ больныхъ и зараженныхъ, такъ и писателю» сказалъ раньше Вогиюз—Полонскій, въ разъясненіе того-же вопроса.

«Тургеневъ былъ не докторъ, но тоже цѣлитель нравственныхъ недуговъ челоѣчества; онъ долженъ былъ знать все, чтобы писать такъ, какъ онъ писалъ» ³⁾.

Одною изъ главныхъ причинъ, почему иные считали Тургенева сторонникомъ нигилизма, было постоянное сопоставленіе его имени съ этимъ наименованіемъ: въ самомъ дѣлѣ, никогда не упоминалось оно, безъ того, чтобы тотчасъ вслѣдъ за нимъ не произносилось и имя Тургенева, какъ его мнимаго автора и изобрѣтателя.

«Терминъ нигилистъ—пишетъ Леруа Болье ⁴⁾—произошелъ, мы полагаемъ, отъ романа Ивана Тургенева «Отцы и Дѣти», въ которомъ знаменитый романистъ нарисовалъ первое поколѣніе нигилистовъ. Въ началѣ вѣка Жо-

¹⁾ Московскія Вѣдомости. 1884. 17 сентября: „Тургеневъ и нигилисты“.

²⁾ Revue des deux Mondes. 1884. 15 Juillet. Léon Tolstol.

³⁾ Два слова о Тургеневѣ. Письмо въ редакцію Новаго Времени. 1883. 14 сентября.

⁴⁾ L'Empire des Tsars et les Russes: le parti révolutionnaire.

зефъ Мэстръ уже употребилъ, если не ошибаюсь, гдѣ-то въ своихъ письмахъ о Россіи слово *Rienisme* въ аналогическомъ смыслѣ».

«Установилось убѣжденіе, — читаемъ въ итальянской газетѣ «Il Popolo Romano» — что это названіе (нигилизмъ) было изобрѣтено незабвеннымъ русскимъ поэтомъ Сергѣемъ (отъ Ивана Сергѣевича, вѣроятно) Тургеневымъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ только ввелъ его въ употребленіе, вызвавъ изъ мрака забвенія» ¹⁾.

Далѣе итальянская газета излагаетъ вкратцѣ исторію происхожденія этого слова, уже существовавшаго, по свидѣтельству ея, въ 382 году по Р. Х.

Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что это названіе было усвоено въ Европѣ въ XII-мъ вѣкѣ за ересью Петра Ломбардскаго, который утверждалъ «*que Jésus-Christ en tant qu'homme n'est point quelque chose, ou ce qui revient au même, n'est rien (nihil).*» — Crevier: *Histoire de L'Université de Paris* ²⁾. Въ результатѣ оказывается, что Тургеневъ не былъ авторомъ этого слова, какъ думали многіе: онъ только удачно примѣнилъ его къ современному общественному явленію, имъ впервые обнаруженному и художественно воспроизведенному ³⁾.

II.

Большое вліяніе на европейскую извѣстность Тургенева имѣло, разумѣется, его продолжительное пребываніе за границей; несомнѣнное вліяніе имѣло оно также на значеніе русской литературы за предѣлами отечества.

Существовали и прежде переводы нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Во Франціи, въ концѣ 40-хъ годовъ, Луи Віардо ⁴⁾ — уже бывавшій въ Россіи — перевелъ частями Гоголя ⁵⁾, Мериме занимался русской исторіей и изложилъ эпизодъ о Лже-Дмитріѣ; онъ былъ также поклонникомъ Пушкина и перевелъ нѣкоторые изъ его произведеній. Пробовали переводить «Евгенія Онѣгина», «Войну и Миръ», «Записки Охотника» ⁶⁾, но все это были попытки отдѣльных лицъ, переводы, за рѣдкими исключеніями, весьма плохіе и немогущіе поднять кредитъ русской литературы въ Европѣ.

Много лѣтъ прожилъ Тургеневъ за границей частнымъ человѣкомъ, сохраняя свое инкогнито и тамъ, гдѣ литературное имя его уже было извѣстно. «Мы Французы, пишетъ по этому поводу Доде ⁷⁾, — живемъ въ странномъ невѣдѣніи по части всего касающагося иностранной литературы. Но тутъ случилось, что я зналъ и хорошо зналъ Тургенева. Я съ глубокимъ восхищеніемъ прочелъ «Записки Охотника» и эта книга великаго романиста, на которую я попалъ случайно, навела меня къ близкому знакомству съ другими его сочиненіями. Тургеневу былъ воздвигнутъ тронъ на моемъ Олимпѣ, кресло изъ слоновой кости въ сонмѣ моихъ боговъ. Но я былъ далеко отъ

¹⁾ 1884. № 240. (Il Nome dei Nihilisti).

²⁾ Зелинскій: «Собраніе Критическихъ Матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева».

³⁾ Болѣе точныя свѣдѣнія о происхожденіи слова „нигилизмъ“ можно найти въ очеркѣ Сухомлинова: „И. С. Тургеневъ“.

⁴⁾ Писатель по эстетическимъ и культурно-историческимъ вопросамъ, мужъ Полины Віардо Гарсія.

⁵⁾ Бѣлинскій. Томъ X. Журнальная всячина: Булгаринъ.

⁶⁾ Первый французскій переводъ ихъ появился въ 52-мъ году, подъ заглавіемъ, „*Mémoires d'un Seigneur Russe*“, но не обратилъ на себя вниманіе публики. (См. біографическій очеркъ въ посмертномъ изданіи сочиненій Тургенева).

⁷⁾ Воспоминанія А. Доде. (Иностранная критика о Тургеневѣ).

мысли, что онъ въ Парижѣ и даже никогда не задавалъ себѣ вопроса—живъ онъ или умеръ?»—Этотъ вопросъ Доде не задавалъ себѣ даже въ началѣ 70-хъ годовъ когда судьба свела его случайно съ Тургеневымъ у ихъ общаго друга Флобера.

Нѣмецкій критикъ Лудвигъ Пичъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ тоже говорить, что былъ довольно долго знакомъ съ Тургеневымъ, не зная что онъ пишетъ и даже пользуется нѣкоторою извѣстностью въ Россіи. «Да и впоследствии, замѣчаетъ Пичъ, — когда онъ уже былъ на высотѣ своей славы, онъ никогда не гордился своими произведеніями и ничѣмъ не содѣйствовалъ возвеличенію и блеску своего имени, иначе какъ своими произведеніями» ²⁾

Съ французской публикой познакомилъ Тургенева настоящимъ образомъ Луи Виардо, сдѣлавшій хорошій переводъ его «Записокъ Охотника» въ 1858 году. Ламартины, издававшій въ послѣдніе годы своей жизни по частямъ произведенія иностранныхъ авторовъ, напечаталъ, между прочимъ, и отрывокъ изъ сочиненій Тургенева, снабдивъ его своимъ собственнымъ предисловіемъ ³⁾, а Мериме, тотчасъ распознавшій истиннаго художника въ русскомъ писателѣ, былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ горячихъ поклонниковъ его. «Нерѣдко онъ напоминаетъ мнѣ Шекспира, писалъ Мериме ⁴⁾,—онъ питаетъ его любовью къ правдѣ и создаетъ образы изумительной реальности». Флоберъ съ которымъ Тургеневъ, какъ извѣстно, былъ очень друженъ, ставилъ его очень высоко, не только какъ художника и человѣка, но и какъ критика. Приводимъ отрывокъ изъ одного письма его къ Жоржъ Зандъ, въ которомъ рѣчь идетъ о Тургеневѣ ⁵⁾: «Я хорошо провелъ вчерашній день въ обществѣ Тургенева, которому прочиталъ уже исправленные 115 страницъ изъ Св. Антонія, а засимъ почти половину «Послѣднихъ Пѣсень». Что за слушатель и что за критикъ!.. Онъ поразилъ меня глубиной и точностью своихъ сужденій. Ахъ, кабы всѣ тѣ, кто беретъ судить книги, могли слышать его, то-то былъ бы имъ урокъ! Ничто не ускользаетъ отъ него. Прислушавъ произведеніе въ сто стиховъ онъ помнитъ одинъ неудачный эпитетъ. Онъ далъ мнѣ два-три превосходныя совѣта, относительно нѣкоторыхъ частностей Св. Антонія». Современный французскій писатель Эмиль Ожье тоже очень дорожилъ мнѣніемъ Тургенева и еще незадолго до смерти послѣдняго просилъ его выслушать свое новое произведеніе.

«Знаменитый Карлейль, сообщаетъ Рольстонъ въ своихъ воспоминаніяхъ» ⁶⁾,—говорилъ, что «Муму» самая трогательная исторія, какую ему случилось читать», а старый Гизо, прочитавъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда», увидѣлъ въ этомъ разказѣ по словамъ Анненкова ⁷⁾, такой глубокой анализъ общечеловѣческаго явленія, что желалъ познакомиться и лично поговорить съ его авторомъ. «Историкъ и философъ Тень, продолжаетъ Анненковъ ⁸⁾,—въ своей Исторіи Революціи сослался на «Живыя Мощи», какъ на образецъ воспроизведенія истины народнаго пониманія жизни».

Изъ новѣйшихъ французскихъ критиковъ болѣе всѣхъ работалъ надъ Тургеневымъ Воюэ. Въ своемъ этюдѣ, посвященномъ изученію творчества

¹⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ.

²⁾ Также говоритъ и Мопассанъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ. (Иностранная критика о Тургеневѣ).

³⁾ Воспоминанія М. Ковалевскаго.

⁴⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ: Отзывъ Мериме. (Предисловіе къ французскому переводу романа „Отцы и дѣти“).

⁵⁾ Nouvelle Revue. 1884. 1-er Janvier. Lettre LXXVI.

⁶⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ.

⁷⁾ „Замѣчательное десятидѣтіе“.

⁸⁾ „Молодость Тургенева“.

и личности нашего романиста ¹⁾, онъ весьма обстоятельно разобралъ его и затѣмъ началъ знакомиться съ сочиненіями другихъ русскихъ писателей. Результатомъ этихъ трудовъ были статьи, помѣщенные тоже въ «Revue des deux Mondes», о гр. Львѣ Толстомъ ²⁾, о Достоевскомъ ³⁾, и о Гоголѣ ⁴⁾. Въ Nouvelle Revue (1884. 15 Mai) появился, не лишенный интереса, критическій очеркъ П. Бурже о Тургеневѣ ⁵⁾. Авторъ этого очерка называетъ нашего романиста писателемъ-космополитомъ, на томъ основаніи, что онъ сумѣлъ заставить не однихъ соотечественниковъ понять и оцѣнить себя, но сдѣлался достояніемъ всего цивилизованнаго міра. Ренанъ и Абу сказали нѣсколько прочувствованныхъ словъ на гробѣ Тургенева. Впрочемъ рѣчи ихъ ⁶⁾, хотъ и не литературныя по содержанію, а скорѣе національно-политическія, произвели въ свое время глубокое впечатлѣніе и останутся свидѣтельствами того общественнаго значенія, которое придавали Тургеневу въ Европѣ. Въ своей рѣчи Ренанъ, между прочимъ, назвалъ его гениальнымъ и великимъ человекомъ.

Въ Германіи много содѣйствовало успѣху Тургенева Поль Гейзе, очень увлекавшійся «Записками Охотника» и не разъ высказывавшій свои восторги въ печати ⁷⁾. Историкъ беллетристическихъ произведеній Германіи Юліанъ Шмидтъ провозгласилъ Тургенева величайшей поэтической силой нашего времени ⁸⁾ и королемъ современной новеллы ⁹⁾, а Л. Пичъ поставилъ себѣ задачей распространеніе сочиненій Тургенева въ своемъ отечествѣ ¹⁰⁾. Не менѣ ревностнымъ поклонникомъ и цѣнителемъ Тургенева въ Германіи является критикъ Леммермэйеръ, восторженные отзывы котораго интересно прочесть, какъ образцы безграничнаго, неподкупеннаго патріотическимъ увеличеніемъ энтузіазма къ его таланту. Леммермэйеръ разсматриваетъ Тургенева не съ одной только литературной точки зрѣнія и прямо указываетъ на его культурно-историческое значеніе. Изъ всехъ нѣмецкихъ толкователей Тургенева наибольшее значеніе слѣдуетъ придать Георгу Брандесу ¹¹⁾, репутація котораго слишкомъ извѣстна, чтобъ о ней распространяться. Брандесъ даже отдаетъ Тургеневу предпочтеніе передъ Диккенсомъ, Бальзакомъ и Жоржъ Зандъ, на томъ основаніи, что у него, по его мнѣнію, не встрѣчается недостатковъ художественности, какъ у этихъ писателей ¹²⁾. Въ другихъ нѣмецкихъ рецензіяхъ упоминается о вліяніи Тургенева на тамошнихъ беллетристовъ и о подражаніяхъ, которыя онъ вызвалъ. По словамъ Гольдбаума ¹³⁾, однимъ изъ представителей Тургеневской литературной школы въ Германіи считается извѣстный романистъ Захеръ-Мазохъ, съ чѣмъ, впрочемъ, Тургеневъ не былъ согласенъ, какъ видно изъ слѣдующаго его письма, въ которомъ идетъ рѣчь объ этомъ писателѣ. «Я съ нимъ незнакомъ лично, пишетъ Тургеневъ ¹⁴⁾, — и признаюсь, не большой охотникъ до его романовъ. Въ нихъ слишкомъ много «литературы» и «клубнички», двѣ вещи хорошія, но при

¹⁾ Revue des deux Mondes. 1883. 15 Octobre и „Иностранная критика о Тургеневѣ“.

²⁾ 1884. 15 Juillet.

³⁾ 1885. 1-er Janvier.

⁴⁾ 1885. 15 Novembre.

⁵⁾ Переводъ его помѣшенъ въ Русскомъ Курьерѣ, 1884 года, № 182.

⁶⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ.

⁷⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ. Воспоминанія Пича.

⁸⁾ Также: Воспоминанія Пича и этюдъ Юліана Шмидтъ.

⁹⁾ Анненковъ: Замѣчательное Десятилѣтіе.

¹⁰⁾ Анненковъ: Молодость Тургенева.

¹¹⁾ Авторъ Всеобщей Литературы XIX вѣка.

¹²⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ: Этюдъ Брандеса.

¹³⁾ Gegenwart.

¹⁴⁾ Письмо № 229, въ Собраніи Писемъ.

излишнем пережевываніи—нестерпимыя. Никогда не могъ понять, съ какой точки зрѣнія меня сравнивали съ нимъ».

Нѣмецкими переводчиками Тургенева были: Видертъ («Записки Охотника»), Вольцъ Фуксъ («Дворянское Гнѣздо»), Боденштедтъ («Призраки», «Фаустъ», «Первая Любовь», «Яковъ Пасынковъ», «Постоялый Дворъ» и «Муму») ¹⁾, Генкель («Клара Миличъ»), Пичъ и Цабель; этотъ послѣдній перевелъ комедіи Тургенева «Мѣсяцъ въ Деревнѣ» и «Провинціалку» ²⁾ и составилъ его первую біографію ³⁾, кромѣ того Цабель написалъ еще одно сочиненіе о русской литературѣ: «Literarische Streifzüge durch Russland», въ которомъ разбираетъ Гоголя, Льва Толстого, Достоевскаго, Некрасова и Соллогуба и посвящаетъ двѣ особыя главы Тургеневу: «Женщины въ произведеніяхъ Тургенева» и «Тургеневъ какъ драматургъ» ⁴⁾. Цабель, какъ критикъ, подобно Юліану Шмидту, Леммермэйеру и Пичу, отличается своимъ пристрастіемъ къ Тургеневу, въ противоположность другому нѣмецкому писателю Рейнгольду (авторъ книги «Kritische Phantasien»), который предпочитаетъ Тургеневу и Льва Толстого и Достоевскаго.

На англійскомъ языкѣ Тургеневъ переведенъ Дилькомъ ⁵⁾, Рольтономъ и Джеральдомъ. Онъ пользовался при жизни большимъ почетомъ въ Англіи, былъ принятъ тамъ какъ нельзя лучше и избранъ въ 1879 году въ почетные доктора гражданскаго права—почетъ весьма рѣдко оказываемая иностранцу.

Извѣстіе о смерти Тургенева произвело сильное впечатлѣніе и въ Италіи и въ Славянскихъ странахъ: главные органы италіанской, чешской и болгарской печати помѣстили на столбцахъ своихъ подробные некрологи и почувствованныя статьи по поводу кончины Тургенева ⁶⁾. Не малое число почитателей и послѣдователей имѣетъ Тургеневъ и въ Америкѣ. Изъ нихъ мы назовемъ знакомаго европейской публикѣ—Джемса, открыто провозглашающаго себя ученикомъ Тургенева, Рольстона и Кэбля ⁷⁾.

Вслѣдъ за Тургеневымъ, и не безъ его въ томъ участія, вся русская литература сдѣлалась предметомъ живаго интереса и усиленнаго изученія во всей Европѣ. Иностранцевъ не удовлетворяютъ, какъ прежде, поверхностныя свѣдѣнія о Россіи. «Русскихъ мы хотимъ узнавать черезъ посредство самихъ русскихъ», стоитъ въ предисловіи къ книгѣ Э. Дююи: «Главные дѣятели русской литературы» ⁸⁾, въ которой авторъ разбираетъ Гоголя, Тургенева и Л. Толстого. «Нечего отрицать факта, говоритъ онъ между прочимъ,—мы пропитываемся русскимъ. Россія теперь—въ модѣ».

«Тургеневъ цѣнилъ Толстого выше себя, пишетъ Юліанъ Шмидтъ въ своей статьѣ о гр. Л. Толстомъ ⁹⁾,—не только какъ человѣка, но и какъ поэта. Чтобъ убѣдить и меня въ томъ-же, онъ прислалъ мнѣ изъ Парижа французскій переводъ романа: «Война и Миръ».—Нѣмецкій критикъ прочелъ его и рѣшился познакомить своихъ соотечественниковъ съ литературными достоинствами Л. Толстого. «Спасибо Вамъ за то, что дали мнѣ прочесть романъ Толстого, писалъ Тургеневу Флоберъ по поводу «Войны и Мира» ¹⁰⁾,— это

¹⁾ Иностранная критика о Тургеневѣ: Воспоминанія Пича.

²⁾ Ivan Tourgenieff, Eine Litterarische Studie von Eugen Zabel. Leipzig.

³⁾ Другія піесы Тургенева тоже переведены на нѣмецкій языкъ: „Нахлѣбникъ“ Л. Пичемъ, „Холостякъ“ тѣмъ-же Цабелемъ и Зонненталемъ, „Завтракъ у Предводителя“—Веттерманомъ—и всѣ были тоже поставлены на нѣмецкихъ сценахъ.

⁴⁾ Эта книга Цабеля, замѣтимъ кстати, посвящена Антону Григорьевичу Рубинштейну.

⁵⁾ Онъ тоже написалъ воспоминанія о Тургеневѣ.

⁶⁾ Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева. Ч. 2-я. Отзывы иностранной печати по смерти Тургенева.—„Итальянцы о Тургеневѣ“. Неаполь, 1884, № 39 (23 сентября).

⁷⁾ „Мое знакомство съ Кэблемъ“ М. Ковалевскаго. Вѣстникъ Европы, 1883, № 5.

⁸⁾ Les Grands Maitres de la Littérature Russe au XIX siècle.

⁹⁾ Новое Время, № 3027. „Русскіе Писатели въ иностранной оцѣнкѣ“. О. Б.

¹⁰⁾ 1-е Собраніе Писемъ Тургенева. Письмо № 291, къ гр. Л. Толстому: выдержка изъ письма Флобера.

первоклассная вещь! Что за живописецъ и психологъ! Первые два тома — безподобны, но третій—значительно слабѣе. Онъ повторяется, онъ мудрствуетъ (philosophise), однимъ словомъ, тутъ видѣнъ баринъ, авторъ и русскій, тогда какъ до того усматривались только—природа и челоуѣчество. Мнѣ кажется, что по-временамъ, въ немъ есть что-то шекспировское; я приходилъ въ восторгъ во время чтенія, а оно продолжительно».

«Тургеневъ разсказывалъ мнѣ, сообщаетъ Вогюэ въ своей критикѣ о Толстомъ,—какъ Флоберъ, перечитывая незадолго до своей смерти переводъ «Войны и Мира», восклицалъ своимъ могучимъ голосомъ, въ восторженномъ изступленіи: «да вѣдь это чисто Шекспиръ, чисто Шекспиръ!»

На международномъ литературномъ конгрессѣ, состоявшемся въ Парижѣ, въ 1878 году, Тургеневъ, въ качествѣ дѣйствительнаго президента (почетнымъ считался Викторъ Гюго) публично излагалъ постепенный ходъ развитія русской литературы со временъ Фонъ-Визина и до Льва Толстого включительно и указывалъ, что внесено ею новаго въ литературный капиталъ челоуѣчества ¹⁾, а въ кругу своихъ хорошихъ пріятелей въ Парижѣ: Флобера, М. Дюкана, Доде, Зола,—онъ читалъ отрывки изъ русскихъ писателей, стараясь пояснить слушателямъ красоты образцовыхъ произведеній Пушкина, Гоголя и Толстого и горячо заступаясь за честь русской литературы.

«Въ вашемъ послѣднемъ фельетонѣ, писалъ онъ къ Зола въ 1878 году ²⁾,—вы обѣщаете поговорить о «Княгинѣ Боровской». Въ тоже время фельетонистъ «Débats», констатируя фиаско этой пьесы, прибавляетъ приблизительно слѣдующее: «можно думать, что на будущее время откажутся отъ мысли дѣлать заимствованія изъ русской драматической литературы» и пр. Это черезъ-чуръ смѣло! Авторъ «Княгини Боровской» не имѣлъ никакого имени въ Россіи—это меньше чѣмъ нуль. Его первая пьеса «Данишевы» не могла-бы быть представлена въ Россіи, не будучи осмѣянной и освистанной,—и вдругъ его считаютъ представителемъ русскаго театра въ Россіи! Возможно, что нашъ театръ не годится для парижской публики, но по причинамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ тѣми, благодаря которымъ освистана «Княгиня Боровская», которая, въ концѣ концовъ, есть только плохая французская пьеса.—Вы знаете, что у меня всегда было намѣреніе познакомить васъ съ нашимъ настоящимъ театромъ, и я это конечно сдѣлаю, какъ только вы возвратитесь въ Парижъ, но всѣ русскіе были бы вамъ обязаны, если бы вы захотѣли теперь, въ вашемъ ближайшемъ фельетонѣ, возстановить истину».

Изъ современныхъ русскихъ писателей, Тургеневъ тоже очень цѣнилъ Салтыкова (Щедрина), какъ сатирика и заботился о переводѣ на французскій языкъ его «Двухъ Генераловъ», которыхъ самъ читалъ на одномъ литературномъ утрѣ въ Парижѣ ³⁾, а раньше написалъ рецензію на «Исторію Одного Города» ⁴⁾ въ англійскомъ журналѣ «Academy» ⁵⁾. Вообще имя Тургенева появлялось, по временамъ, на страницахъ иностранныхъ журналовъ, подъ статьями, по большей части, литературными по содержанію, что подало поводъ русской публикѣ заподозрить Тургенева въ измѣнѣ родной рѣчи. Эти подозрѣнія переходили въ убѣжденіе, когда имя Тургенева попадалось въ иностранной печати, уже не только подъ однѣми журнальными статьями, но и подъ цѣлыми оригинальными произведеніями. Такимъ образомъ, черезъ посредство заграничныхъ журналовъ, русская публика познакомилась со «Странной Исторіей», появившейся въ 1870 году, въ нѣмецкомъ журналѣ

¹⁾ Воспоминанія М. Ковалевскаго.

²⁾ Письма Тургенева къ Зола были помѣщены въ Русскомъ Курьерѣ за 1884 годъ.

³⁾ Воспоминанія М. Ковалевскаго.

⁴⁾ Щедрина.

⁵⁾ 1871 г., № 19.

«Salon»; съ «Разказомъ отца Алексѣя» ¹⁾, съ «Отчаяннымъ» и «Пѣсню Торжествующей Любви», помѣщенными: первая—въ «République des Lettres» 1877 года, вторая—въ «Revue Politique et Littéraire», а третья—въ «Revue Nouvelle» за 1883 годъ.

А между тѣмъ, вотъ что писалъ Тургеневъ въ Россію по этому поводу, въ 1875 году: «Собственно огорчило и, признаюсь, удивило меня Ваше предположеніе, писать онъ къ Венгеру ²⁾, по прочтенію его критико-біографическаго этюда о немъ,—что нѣкоторыя мои повѣсти (какія?) писаны мною по-нѣмецки».

«Есть его оригинальныя повѣсти на французскомъ языкѣ» (!) и т. д. Это предположеніе уже не впервые проявляется въ печати, но я всегда видѣлъ въ немъ намѣреніе меня уязвить. Въ Васъ это намѣреніе немислимо, но тѣмъ непонятнѣе для меня Ваши слова. *Я никогда, ни одной строки въ жизни не печаталъ не на русскомъ языкѣ* ³⁾, въ противномъ случаѣ, я былъ бы не художникъ, а просто—дрянь. Какъ это возможно, писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то на родномъ, едва можно сладить съ образами, съ мыслями» и т. д.

Уже знакомый намъ критикъ Пичъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, тоже опровергаетъ слухи, будто Тургеневъ написалъ по-французски что-либо, кромѣ писемъ и двухъ-трехъ бездѣлицъ ⁴⁾.

«Онъ всегда высказывалъ, что для него непонятно, говоритъ Пичъ,—какъ можно описывать происходящее въ душѣ поэта на какомъ-бы то ни было языкѣ кромѣ родного», но вслѣдъ за этимъ заявленіемъ, нѣмецкій критикъ сообщаетъ, что Тургеневъ участвовалъ въ переводѣ большинства своихъ романовъ и повѣстей на французскій языкъ и самъ исправлялъ, по рукописи, съ помощью г-жи Віардо и автора воспоминаній, сдѣланный Боденштедтомъ нѣмецкій переводъ своихъ произведеній, а у Доде идетъ рѣчь объ одной французской повѣсти Тургенева, по всей вѣроятности тоже переводной, такъ какъ ни объ одномъ оригинальномъ французскомъ произведеніи его нигдѣ не упоминается, о переводахъ-же говорится довольно часто. Такъ, на пріятельскихъ воскресныхъ собраніяхъ у Флобера, Тургеневъ читалъ изъ своихъ сочиненій: «Новъ» и «Живыя Мощи» (по свидѣтельству того-же Доде), а Флоберу давалъ просмотрѣть свой переводъ одной изъ «Повѣстей Бѣлкина» Пушкина ⁵⁾. Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Баденѣ, Тургеневъ перевелъ съ Луи-Віардо драматическія произведенія Пушкина, которыя были изданы въ Парижѣ въ 1862 году ⁶⁾.

Въ одномъ письмѣ къ гр. Л. Толстому ⁷⁾ Тургеневъ говоритъ, что имѣетъ намѣреніе перевести его «Козаковъ», но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ только пересмотрѣлъ и исправилъ съ Э. Дюраномъ уже существующій переводъ повѣсти Толстого ⁸⁾.

Въ другой разъ Тургеневъ пишетъ: «Я съ помощью г-жи Віардо перевелъ почти «Пѣсню торжествующей любви», которая появится здѣсь въ одинъ день съ ноябрьской книжкой «Вѣстника Европы» ⁹⁾.

¹⁾ „Странная Исторія“ и „Разказъ Отца Алексѣя“ появились у насъ, первоначально, въ весьма плохихъ переводахъ: первая—въ Голосѣ, вторая—въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

²⁾ 1-е Собраніе Писемъ Тургенева. Письмо № 204.

³⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

⁴⁾ Нѣсколько оперетокъ, положенныхъ на музыку г-жею Віардо и водевилъ для домашняго спектакля.

⁵⁾ Воспоминанія М. Ковалевскаго.

⁶⁾ Біографическій очеркъ, въ посмертномъ изданіи сочиненій Тургенева.

⁷⁾ 1-ое Собраніе Писемъ Тургенева. Письмо № 272.

⁸⁾ Письмо № 275.

⁹⁾ Письмо № 328.

Говорили будто «Клара Миличъ» была тоже написана первоначально на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Après la Mort», но это оказалось невѣрнымъ.

Въ послѣднее время (11-го сентября 1882 года) я удосужился, писать Тургеневъ,—скропать повѣсть и даже переписалъ ее. Надняхъ отправлю ее къ Анненкову на просмотръ»¹⁾.

По поводу «Отчаяннаго», Тургеневъ пишетъ: «онъ появится въ 1-мъ № «Вѣстника Европы». Здѣсь уже появился его переводъ въ «Revue Politique et Littéraire»²⁾.

Свои послѣднія вещи: «Пожаръ на Морѣ» и «Конецъ» онъ, уже больной, диктовалъ ежедневно по утрамъ, на французскомъ языкѣ, первую за два мѣсяца, вторую за нѣсколько дней до смерти³⁾. Перевелъ онъ на русскій языкъ два произведенія Флобера: «Легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ» и «Продіяду» и сказки Перро.

Подводя, такимъ образомъ, итоги всей сорока-семи-лѣтней литературной дѣятельности Тургенева, мы можемъ, слѣдовательно, назвать: два оригинальныхъ французскія произведенія его (Пожаръ на Морѣ и Конецъ) и два (Странная Исторія и Разказъ Отца Алексѣя) подлежащія сомнѣнію по отношенію къ ихъ національности.

Остальные сочиненія его были всѣ написаны по-русски.

III.

Часто и много упрекали Тургенева въ Россіи за его постоянное пребываніе за-границей и обвиняли по этому поводу въ недостатокъ патриотизма.

Каковы-бы ни были причины, побудившія его удалиться изъ Россіи и, подъ конецъ, переселиться за-границу, — важень самъ фактъ, съ которымъ мы, русскіе, какъ друзья, такъ и противники Тургенева, до сихъ поръ не можемъ помириться.

Только съ того времени, какъ его не стало, къ нему начали относиться у насъ менѣе пристрастно и несправедливо; прежде же, всѣ поступки его подвергались критикѣ и толковались не въ его пользу: они, по общему мнѣнію, явно свидѣтельствовали объ его измѣнѣ русскимъ, роднымъ интересамъ; писалъ-ли Тургеневъ повѣсть или романъ, ему напоминали о томъ, что онъ отсталъ отъ всего русскаго, что все русское чуждо, неизвѣстно ему; наступалъ-ли перерывъ въ его творческой дѣятельности, распространялись слухи, что Тургеневъ пересталъ писать, что онъ исписался, — а всеоттого, что неживетъ дома!

Вовсе не имѣя въ виду оправдывать добровольное отлученіе Тургенева изъ своего отечества, мы не можемъ, однако-же, во имя справедливости, не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Тургеневъ, несмотря на это отлученіе, все-таки не оставлялъ пера и продолжалъ писать въ своемъ родѣ образцовыя вещи, какъ «Пѣнь торжествующей любви» и «Стихотворенія въ прозѣ»; неспособность же его создавать въ послѣднее время цѣлыя, крупныя произведенія объясняется скорѣе нѣкоторымъ упадкомъ творческихъ силъ, свойственнымъ извѣстному возрасту и поэтому вполне естественнымъ въ немъ въ концѣ его дѣятельности. Но не такъ думалъ самъ Тургеневъ; онъ любилъ утѣшать себя мыслию, что пишетъ не по-прежнему оттого только, что не живетъ въ Россіи. «Не понимаю новаго русскаго человѣка, говаривалъ

¹⁾ Письмо № 425.

²⁾ Письма №№ 334—338.

³⁾ Біографическій очеркъ.

онъ,—а француза описывать не хочу»¹⁾. «Чтобы писать, особенно теперь, надо жить въ Россіи», сообщалъ онъ въ частномъ письмѣ²⁾.

«Поѣзжайте въ Россію», говорилъ онъ въ другой разъ одному соотечественнику своему за-границей. «Здѣсь вы только истреплетесь и извѣритесь. Вы еще недостаточно стары, чтобы вполне оцѣнить разрушительное дѣйствіе жизни внѣ родственной среды, внѣ общественныхъ обязанностей, безъ опредѣленной цѣли и дѣятельности. Я лучше васъ былъ приспособленъ къ жизни за-границей, да и то въ сущности прозябаю и все чего-то жду, и не дождусь ужъ теперь»³⁾. «Русскому нельзя не скучать по Россіи; куда бы онъ не переѣхалъ, утверждалъ Тургеневъ,—другой Россіи для русскаго нигдѣ не найдется»⁴⁾. И дѣйствительно, самъ онъ, не смотря на свое долгое пребываніе на чужбинѣ, на привязанности, удерживавшія его тамъ, не былъ покоенъ и удовлетворенъ; это тяжелое чувство онъ приписывалъ своему отчужденію отъ родины. «Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, сказала онъ нѣкогда устами одного изъ выведенныхъ имъ лицъ⁵⁾,—но никто изъ насъ не можетъ безъ нея обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится!»

Духъ сочиненій Тургенева, такъ сказать ихъ мѣстный колоритъ, говорить явно о направленіи и образѣ мыслей писателя. Находясь за-границей, онъ постоянно возвращался мыслями въ Россію и почерпалъ вдохновеніе въ воспоминаніяхъ о родинѣ. «Записки охотника» были задуманы имъ въ Берлинѣ, въ эпоху его первой поѣздки туда и написаны, въ разное время, за-границей; тамъ же пришла ему въ голову первая идея «Отцовъ и дѣтей», а начало романа было создано въ Парижѣ. Таково происхожденіе двухъ капитальныхъ произведеній Тургенева; остальные, за рѣдкими исключеніями («Пѣснь торжествующей любви» и драма «Неосторожность»), тоже всѣ написаны въ русскомъ духѣ и на тѣмы изъ русской жизни. Герои его повѣстей, кромѣ Инсарова (все же славянина), всѣ—русскіе; описанія русской природы несравненно удачнѣе и многочисленнѣе у него, нежели иностранные ландшафты: насколько первые правдивы и переданы съ любовью, настолько вторые бѣдны красками и холодны—не узнать въ нихъ мастерскую кисть Тургенева. Слогъ его остался всегда образцовымъ по совершенству и чистотѣ: это были его особеннѣе и преимущество.

«Преданность моя началась, выработаннымъ западною жизнію, пишетъ Тургеневъ⁶⁾,—не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія, помнится, ни разу не укоряла меня въ неправильности, въ подражательности чужому слогу».

«Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу»⁷⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое языкъ, нарѣчіе народа, какъ не знакъ, не выраженіе его индивидуальности, какъ не его заявленіе на право голоса во всеобщемъ аккордѣ? Патріотизмъ Тургенева выразился главнымъ образомъ въ этомъ поклоненіи родному языку и въ этой вѣрѣ въ него.

¹⁾ Встрѣча съ Тургеневымъ. Изъ дневника современницы (Новое Время).

²⁾ Письмо № 266.

³⁾ Русская Мысль. 1883. Ноябрь.

⁴⁾ Историческій Вѣстникъ. 1883. Ноябрь.

⁵⁾ Рудинъ: слова Лежнева въ XII-й главѣ.

⁶⁾ Воспоминанія: вмѣсто вступленія.

⁷⁾ Стихотвореніе въ прозѣ.

Умирая вдали от родины и окруженный иностранцами, Тургеневъ, какъ мы узнаемъ, говорилъ исключительно по-русски и въ этихъ отрывистыхъ, несвязныхъ рѣчахъ его даже часто прорывались простыя, народныя выраженія. «Ему точно представлялось, что онъ умирающій русскій простолюдинъ, дающій жизненные, напутственные совѣты своимъ семьянамъ», свидѣтельствовалъ присутствовавшій при его кончинѣ князь А. А. Мещерскій ¹⁾; иногда прорывались у него фразы, «по которымъ можно было догадаться, что въ полузатемненномъ сознаниі умирающаго все еще переплетались тѣ двѣ стороны его жизни, которыя составляли ея двойственное содержаніе: домашнія, семейныя привязанности съ любовью и преданностію къ родинѣ, къ русскому, къ національному». Живя въ чужомъ мѣстѣ и между чужими людьми, подобно большинству иностранцевъ (и французовъ въ особенности), ярыхъ патріотовъ, Тургеневъ долженъ былъ крѣпко придерживаться своей національности, отстаивать всеми силами свои права—иностранца, чтобы не быть присвоеннымъ, хотя бы тѣми же французами, какъ были присвоены ими нѣкогда Россини, Мейерберъ, даже Гейне. Однако, ничего подобнаго не случилось съ Тургеневымъ. «Франція съ гордостью усыновила бы васъ, еслибы вы этого желали, сказалъ Абу въ своей надгробной рѣчи,—но вы всегда остались вѣрны Россіи». Очень вѣроятно, что этотъ граничащій съ фанатизмомъ, патріотизмъ французовъ и вызвалъ въ Тургеневѣ потребность сознать и уяснить себѣ свои отношенія къ родинѣ, разбудилъ и укрѣпилъ въ немъ его любовь къ ней и вѣру въ нее. «Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля», гласитъ одно извѣстное изрѣченіе Тургенева ²⁾, явно говорящее объ его образѣ мыслей и направленіи; «въ народности, ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ фізіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица, только пошлое лицо возможно безъ фізіономіи». И не смотря на это, онъ проповѣдывалъ, что «нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи», что «безъ образованія, безъ свободы, въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ мыслямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи—немыслимъ истинный художникъ», что «безъ этого воздуха дышать нельзя» ³⁾ и заботливо распространялъ русскую литературу за-границей, предвидя хорошіе результаты отъ этого сближенія нашего съ Европой: свободный обмѣнъ мыслей съ просвѣщенными людьми всехъ народовъ, долженъ былъ, по его мнѣнію, положить конецъ тѣмъ партійнымъ предразсудкамъ и крайностямъ, въ которые вдается наша литература и которые мѣшаютъ ей правильному и свободному развитію, тѣмъ предвзятымъ идеямъ, той исключительности во взглядахъ и симпатіяхъ, которые являются результатомъ всякаго односторонняго направленія, равно порицаемаго Тургеневымъ, въ вопросахъ искусства.

Дѣло въ томъ, что художникъ не раздѣлялъ боязни нѣкоторыхъ патріотовъ нашихъ къ общенію Россіи съ Европой, не признавалъ и не допускалъ существованія китайской стѣны, непреодолимой преграды между нами и всеѣмъ остальнымъ міромъ; онъ былъ твердо убѣжденъ, что русская литература не утратитъ ни іоты своей индивидуальности вслѣдствіе этого общенія, какъ не утратили ее литературы другихъ народовъ (англичанъ, французовъ, нѣмцевъ) оттого, что составляютъ отдѣльныя части одного цѣлага. И въ самомъ дѣлѣ, почему же это одна Россія должна непременно обезличиться, какъ только выйдетъ изъ своего одинокаго положенія? Такое мнѣніе о ней не говорить въ пользу патріотизма тѣхъ, кто высказываетъ

¹⁾ Предсмертные часы И. С. Тургенева. (Рѣчь, со словъ кн. Мещерскаго.— Новое Время).

²⁾ Рудинъ: слова Лежнева въ XII-й главѣ.

³⁾ По поводу „Отцовъ и дѣтей“.

его; несравненно больше любви къ родинѣ и вѣры въ нее слышится въ словахъ такъ называемаго западника Тургенева: «...насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были въ противномъ случаѣ за плохенькій народецъ» ¹⁾). Въ заключеніе должно сказать, что печальный для соотечественниковъ Тургенева фактъ: постоянное пребываніе его за-границей—имѣло несомнѣнное вліяніе на его собственную славу и на успѣхи всей русской литературы въ Европѣ ²⁾). Разумѣется, не одно пребываніе Тургенева за-границей, не однѣ хорошія отношенія его со всѣми литературными авторитетами Европы заслужили ему тотъ всеобщій почетъ и то значеніе, какими онъ пользовался во всемъ литературномъ мірѣ. Настоящая причина ихъ лежитъ глубже, въ самой индивидуальности Тургенева: такое сочетаніе таланта, ума, образованія и высоты духовной—явленіе рѣдкое, не только въ нашъ вѣкъ и не въ одной Россіи. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, то глубокое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на своихъ современниковъ и въ этомъ по-истинѣ его слава.

Преобладающимъ элементомъ въ отзывахъ иностранцевъ о Тургеневѣ, было—удивленіе, и уже не только передъ самимъ художникомъ и совершенствомъ его изображеній, а тоже передъ тѣмъ «новымъ міромъ», который открылся имъ черезъ его посредство ³⁾). Самый фактъ существованія Тургенева, возможность и естественность его—озадачили ихъ. «Страна, которая можетъ произвести Тургенева, должна быть на самомъ дѣлѣ далека отъ безнадежнаго состоянія мрака», писала англійская газета «Daily News». «Это—новая область, куда вы заставляете насъ проникать», писала Жоржъ-Зандъ къ Тургеневу, въ предисловіи къ разказу, посвященному ему ⁴⁾), «и никакой памятникъ исторіи не можетъ разъяснить намъ Россію, какъ эти образы, такъ хорошо изслѣдованные, какъ эти нравы, такъ хорошо описанные. Вы реалистъ—чтобы все видѣть, поэтъ—чтобы все украсить, великое сердце—чтобы всему соболѣзновать и все понимать». По ея мнѣнію, другіе поэты и романисты «цивилизациі» Тургенева, не смотря на ихъ «гений», еще «варвары»; «ихъ драмы», по словамъ ея, «исполнены холодной и язвительной жестокости»... Если Жоржъ-Зандъ думала такъ, если въ наше время наиболѣе просвѣщенные люди Европы, какъ на примѣръ Брандесъ и Юліанъ-Шмидтъ, провозглашаютъ громко, что не знали Россіи и русской литературы до знакомства съ Тургеневымъ, то чего же можно ожидать отъ меньшей братии, отъ людей не передовыхъ и не просвѣщенныхъ? Вотъ почему появленіе въ Россіи таланта величины Тургенева и было такимъ открытвеніемъ для иностранцевъ. Тургеневъ не могъ быть самъ по себѣ; ясное дѣло, что это не игра природы, не случайность, а правильно-развитое и вполне сознательное дарованіе, которое должно, судя по всему, имѣть своихъ предшественниковъ, учителей и послѣдователей. «Европа предоставляетъ Тургеневу первое мѣсто въ современной литературѣ; Тургенева не можетъ монополизировать Россія; творенія его составляютъ собственность міра», такъ отозвался о Тургеневѣ англійскій журналъ «Атенеумъ» ⁵⁾ и эти слова были приведены и другимъ критикомъ нашего писателя—Вогюэ.

¹⁾ Воспоминанія: Вмѣсто вступленія.

²⁾ Успѣхи русской литературы въ Западной Европѣ за послѣднее время. Брошюра Черняева.

³⁾ „Образованные классы германскихъ и романскихъ странъ“, стоятъ въ статьѣ Брандеса о Тургеневѣ, „почти исключительно обязаны этому человѣку всѣмъ, что извѣстно въ наше время о внутренней жизни славянской расы. Онъ открылъ намъ новый міръ, до того неизвѣстный“.—„Тургеневъ ввелъ совершенно новый, чуждый элементъ въ европейскую литературу, говоритъ Юліанъ Шмидтъ, —отъ него ожидали разъясненія той загадки, которая называется Россіей“.

⁴⁾ Impressions et Souvenirs: Pierre Bonnin.

⁵⁾ 1883. 8-е сентябрѣ.

Для пополненія собранныхъ нами отзывовъ о Тургеневѣ, мы приведемъ и одно замѣчаніе Императора Александра Николаевича, сказавшаго однажды самому романисту: «что, съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ «Записки Охотника», его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости» ¹⁾).

Всѣ эти оцѣнки важны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ о первомъ, такъ сказать, непосредственномъ впечатлѣніи, которое Тургеневъ произвелъ на своихъ современниковъ и, въ тоже время, служатъ къ выясненію его роли въ исторіи русской литературы.

¹⁾ Фактъ этотъ, по мнѣнію историка (В. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая“. Русская Мысль, 1885, сентябрь), тѣмъ болѣе важенъ, что незадолго передъ тѣмъ, въ комитетѣ, учрежденномъ для обсужденія закона о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу, въ случаѣ продажи имѣній съ аукціона, будущій Государь, въ то время Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета, подалъ голосъ за отмену этого закона.

1887 ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ 1887

БИБЛІОГРАФЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

3-й годъ изданія.

Журналъ предназначенъ для любителей и собирателей книгъ, библиофиловъ, учебныхъ заведеній, библиотечарей и книгопродавцевъ.

Выходитъ ежемѣсячно—выпусками.

ВЪ I ОТДѢЛѢ журнала помѣщаются: 1) историческіе матеріалы: статьи, замѣтки, разысканія и сообщенія историко-литературныя, библиографическія и библиофильскія; статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и издательской дѣятельности; извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некрологи и проч.; 2) техническія статьи по части графическихъ искусствъ; 3) обзоръ современныхъ произведеній литературы, науки и искусства: отзывы и замѣтки о новыхъ книгахъ и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки и извѣстія.

ВО II ОТДѢЛѢ, преимущественно справочномъ, помѣщается полная библиографическая лѣтопись за истекшій мѣсяць, въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 5) объявленія.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

◆◆◆ ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А ◆◆◆

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р.

отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Спб., Москва, Харьковъ и Одесса); антикварной книжн. торговлѣ «Посредникъ» (Спб., Невскій пр., 34, противъ Думы); «Русскомъ Книжн. Магази́нѣ» (Спб., Невскій пр., 108); товарищества «М. О. Вольфъ» (Спб. и Москва); Е. Гаршина (Спб., Греческій пр., 14); Е. Риккера (Спб., Невскій пр., 14); М. Стасюлевича (Спб., Вас. Остр., 2-я линія, 7); антикварной книжной торговлѣ П. Шибанова (Москва, Старая площадь) и др.—Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію (Спб., Обуховскій просп., д. № 7, кв. № 13).

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты «Библиографа» за 1885 и 1886 гг. можно получать въ редакціи и въ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

